

Олег Мухутдинов

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ЭТИКА (КРИТИЧЕСКИЙ
КОММЕНТАРИЙ К ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯМ
ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА)**

Стаття присвячена феноменологічній інтерпретації практичної філософії Канта. Буття людини у світі є універсальним горизонтом моральних вчинків.

Ключові слова: *розум, світ, практична філософія.*

Статья посвящена феноменологической интерпретации практической философии Канта. Бытие человека в мире является универсальным горизонтом моральных поступков.

Ключевые слова: *разум, мир, практическая философия.*

The article contains phenomenological interpretation of Kants practical philosophy. The existence of human being in the world is the universal horizon of moral acts.

Key words: *reason, world, practical philosophy.*

1. О формализме практической философии Канта

Целью настоящей статьи является феноменологическая интерпретация кантовской системы практического разума. Со времени своего появления эта система стала объектом самого пристального внимания и самой серьезной критики. Значительный вклад в исследования практической философии Канта внесли и представители феноменологического движения. В первую очередь речь идет о работах Гуссерля и Шелера. Необходимость критического обсуждения принципов практического разума была вызвана неприятием «с трудом поддающегося пониманию формализма» [6, s. 415] этической концепции Канта. Против такой односторонней трактовки высказался Хайдеггер (см.: [5]). Согласно Хайдеггеру, мнимый «формализм» преодолевается понятием уважения как особого морального чувства. Эта точка зрения представляется более близкой взглядам самого Канта, утверждавшего, что в системе практического разума следует продвигаться от рациональных принципов к чувственности. Однако дело заключается не столько в том, чтобы выяснить, чья позиция оказывается более аргументированной. Гораздо больший интерес вызывает здесь тот факт, что сам Кант неоднократно подчеркивает исключительную важность практической философии. В лекциях по метафизике, изданных Пелитцем в 1821 г., Кант утверждает: «Практический философ является философом в собственном смысле слова» [7, s. 3]. В таком случае система практического разума содержит определение сущности философии по преимуществу. Обращение к идее философии, развернутой в системе критики разума, позволит, во-первых,

прояснить внутренние мотивы рационального построения этики, а во-вторых, обнаружить содержательные проблемы, возникающие как следствие осуществления этого построения.

Возражение против формализма, а также «крайнего и почти абсурдного рационализма» [6, s. 407] кантовской этики возникает в связи с представленным в «Критике практического разума» практическим основоположением, или категорическим императивом. Категорический императив гласит: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла также быть действительной в качестве принципа всеобщего законодательства» [2, с. 310]. На первый взгляд представляется, что этот принцип ограничивается лишь формальным указанием необходимой связи, которая должна возникнуть между субъективной единичностью максимы и объективной всеобщностью законодательства. Именно возможность такой связи и ставится под сомнение. Гуссерль разбирает основания кантовской этики в своих лекциях и приводит следующее возражение против формальной универсальности категорического императива: «Итак, не является нравственным всякий поступок, следующий из максимы, которая не подходит для всеобщего законодательства; и опять же это должно означать: нравственным не является поступок, если соответствующее взятое чисто формально обобщение максимы ведет к противоречиям. Несчастные мы люди! Я испытываю сейчас чувство голода и сажусь за стол, чтобы поесть. На столе – жареная телятина. Имею ли я вообще право есть? Если я съедаю эту телятину, то в качестве основания я использую максиму: всякий, кто садится голодным за стол, на который подана жареная телятина, может ее съесть. Можно ли принять эту максиму в качестве всеобщего закона? Очевидно, нет. Как быть с разумными существами, по природе являющимися вегетарианцами? Они могли бы испортить себе желудок и погибнуть; таким образом, всеобщий закон не позволяет принять максиму, так что питаться жареной телятиной означает: не быть нравственным; и поскольку сказанное относится ко всякому блюду, мы естественно должны были бы изголодаться для того, чтобы не нарушить формальный закон нравственности» [6, s. 415].

Замечание Гуссерля хотя и является остроумным, но все же не затрагивает содержательно и по сущности идею категорического императива. Проблематичность предлагаемой Гуссерлем критики обнаруживается в том случае, если во внимание принимается отношение практического основоположения и предмета, который этим основоположением определяется. Согласно кантовской позиции, единственными объектами практического разума являются добро и злое. Действия, целью которых становятся такие объекты, суть поступки. Но в

таким случае следует проводить четкое различие между поступками в собственном и действиями в широком смысле слова. Мотивом последних может выступать основанный на инстинкте чувственный порыв. Следовательно, в практическом отношении такие действия будут носить нейтральный характер, если, разумеется, не усложнять ситуацию искусственно. В любом случае приходится признать, что высказанное Гуссерлем сомнение в основательности категорического императива является следствием того, что Гуссерль предпочитает скорее развивать собственные идеи, нежели детально разбираться с внутренним содержанием кантовской практической философии. Поэтому следует вернуться назад к Канту, – однако при этом необходимо иметь в виду, что соображения Гуссерля, возможно, указывают на одну из наиболее трудных для решения проблем, связанных с понятием практического разума.

2. О понятии практического разума

Возникающий в связи с феноменологической критикой формальных оснований кантовской этической концепции вопрос может быть сформулирован следующим образом: почему Кант избирает радикально рациональную модель построения этики? Можно выделить по крайней мере две причины, оказавшие решающее влияние на такой выбор.

Первая причина кроется в области антропологии. Древнегреческое представление о человеке как о разумном существе, обладающем способностью к речи, получает в европейской метафизике однозначную интерпретацию: человек есть *animal rationale*. Сущностью человека является разум, человек отличается от прочих живых существ способностью к мышлению посредством понятий. Поэтому и существование человека в истории представляет собой процесс, управляемый разумом. Таким образом, система антропологических идей оказывается тесно связанной с представлением о философии по мировому понятию, которая является «наукой о высшей максиме применения нашего разума» и определяется поэтому как «наука об отношении всякого знания и всякого применения разума к конечной цели человеческого разума, которой, как высшей, подчинены все другие цели и в которой они должны образовать единство» [3, с. 332]. Эта идея философии во всемирно-гражданском значении определяет преимущественное положение системы практического разума.

Вторая причина связана с представлением об определяющей разум идее трансценденции. В одной из небольших работ, по времени относящихся к периоду создания системы практического разума, Кант пишет: «Разум, которым наделено существо, – это способность расширять

за пределы природного инстинкта правила и цели приложения всех его сил; замыслам его нет границ» [1, с. 9]. Эта идея бесконечной трансценденции разума, о которой ни в коем случае нельзя сказать, что она является ясной и отчетливой, с давних пор использовалась в метафизической теории двух миров. Кант использует это различие не только в диссертации 1770 г., но делает его краеугольным камнем всей системы критики разума.

В качестве высшей познавательной способности разум является способностью познания истины сущего в целом. С точки зрения догматической метафизики это познание должно удовлетворять нескольким требованиям. Во-первых, оно не должно содержать в себе ничего эмпирического. Во-вторых, оно должно быть всеобщим и необходимым. Поэтому познание разума должно опираться на представления особого рода. Такими представлениями не могут быть созерцания, поскольку всякое созерцание является единичным представлением. Такими представлениями не могут быть категории, поскольку категории являются формами рассудка для синтеза содержания чувственных созерцаний. Всеобщие представления разума *a priori* – это идеи. К их числу принадлежат, в частности, космологические идеи, или представления о мире.

В диссертации 1770 г. Кант предлагает следующую формальную дефиницию мира: мир есть «целое, которое не есть часть» [4, с. 383]. Это понятие является чисто логическим и еще не содержит в себе никакого содержательного определения.

Анализ космологических идей в «Критике чистого разума» основывается, прежде всего, на представлении о мире как о математическом целом всех явлений, т. е. о взаимосвязи всех возможных объектов чувственного созерцания. Но если эта взаимосвязь рассматривается в качестве динамического целого, т. е. относится к действительному существованию объектов, тогда представление о мире совпадает с понятием природы. Взаимодействие явлений в природе подчинено общим условиям связи причины и действия во времени. Поскольку с эмпирической точки зрения человек рассматривается как явление среди других явлений природы, его существование также оказывается подчиненным закономерности естественной причинности. Однако помимо причинности по законам природы существует также и причинность по законам свободы. Идея свободы относится к числу космологических идей. Это означает, что представление о свободе является представлением разума о причинности в мире, понятие которого уже не может совпадать с понятием природы. Поскольку теоретическое

применение разума ограничивается исключительно общими временными условиями опыта, Кант фиксирует факт непостижимости свободы. Цель системы практического разума заключается в том, чтобы показать действительность свободы. Для достижения этой цели необходимо продемонстрировать, что разум является высшей способностью априорного синтетического познания.

3. Об основоположении практического разума

Теоретическое применение чистого разума за пределами возможного опыта создает лишь видимость познания. В рамках теоретического познания разум выполняет только регулятивную функцию. Это позволяет зафиксировать с самого начала один принципиальный момент: чистый разум является не теоретическим, но практическим разумом. Однако в таком случае практический разум по определению следует рассматривать как чистый разум. Этот чистый практический разум является условием возможности существования метафизики в качестве науки. Такая метафизика должна, поэтому, представлять собой систему практической философии. Возможность существования метафизики зависит теперь от разрешения вопроса: как возможны априорные синтетические суждения?

В качестве высшей познавательной способности разум является источником априорных практических синтетических основоположений. Категорический императив является синтетическим суждением в двояком смысле. Во-первых, этот императив предполагает возможность перехода от субъективной максимы к объективному принципу всеобщего законодательства. Во-вторых, поскольку трансцендентальным основанием категорического императива выступает идея свободы в космологическом смысле, высшее практическое основоположение постулирует априорную связь между чувственно воспринимаемым и сверхчувственным мирами.

Феноменологическая интерпретация категорического императива предполагает, в таком случае, использование понятия горизонта. Это понятие оказывается важным не только для Гуссерля и Хайдеггера, но и для самого Канта. Кант пользуется этим понятием в общем контексте рассуждения о горизонте познания и определяет горизонт как «соразмерность величины совокупности знаний со способностями и целями субъекта» [3, с. 347]. В практическом смысле горизонт представляет собой обладающую подвижностью границу, устанавливающую предел мира, в котором обитает человек как разумное существо. В таком случае, субъективная максима является положением, характеризующим существование личного мира человека. Границы этого мира могут определяться социологическими, психологическими и

прочими моментами. Однако категорический императив является основоположением, которое позволяет преодолеть ограниченность субъективного принципа. Горизонтом существования человека в практическом отношении является представление о мире как о тотальности, в которую включается и конкретный поступок. С этой точки зрения категорический императив мог бы иметь следующую интерпретацию: поступай так, чтобы горизонт твоего собственного мира совпадал с всемирным горизонтом существования разумных существ.

4. О звездном небе и практическом разуме

Смысл категорического императива лучше всего проясняется из знаменитого фрагмента: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них,— это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*» [2, с. 499]. Звездное небо является универсальным горизонтом существования человека в чувственно воспринимаемом мире. Как элемент этого мира, человек подчинен общим законам природы. Моральный закон является определяющим основанием для представления о всемирности как универсальном горизонте практического существования человека. Однако этот закон не просто создает наряду с миром явлений природы совершенно особый мир человеческого существования. Представление о мире является здесь идеей разума. Выбор универсально-всемирного горизонта в качестве определяющего основания поступка является свободным решением разумного существа. Поэтому горизонтом существования человека в чувственно воспринимаемом мире является мир сверхчувственный. Именно этими идеями и руководствуется Кант, когда строит свою систему этики, которая, конечно, не заслуживает упреков в формализме.

Тем не менее, позитивная полемика с системой практического разума остается возможной и необходимой. Если исходить из представления о единстве системы критической философии, нельзя не обратить внимания на одно существенное затруднение. Разум является высшей познавательной способностью, которая находит свое применение в теоретическом и практическом плане. При этом, теоретическое применение разума предполагает ограничение трансценденции временными условиями опыта. Однако практическое применение разума преодолевает эти ограничения, хотя и не дает познания сверхчувственных объектов. Очевидно, что такая ситуация становится возможной только потому, что Кант рассматривает время исключительно в качестве формального условия созерцания явлений опыта и относит время к области теоретического познания природы. Но в таком случае возникает

противоречие между онтологией «чистого» и онтологией «практического» разума: если первая опирается на идею времени, то вторая возвращается к традиционной идее рационального определения истины сущего в целом.

Это приводит к несколько парадоксальному утверждению: в критике практического разума оказывается недостаточно критики разума. И здесь возникает естественный вопрос: может ли система практической философии опираться на те же трансцендентальные основания, что и система теоретической философии?

1. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения в 6-ти тт.– Т. 6.– М.: Мысль, 1966.– С. 5–23.
2. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения в 6-ти тт.– Т. 4, ч. 1.– М.: Мысль, 1965.– С. 311–501.
3. Кант И. Логика // Кант И. Трактаты и письма.– М.: Наука, 1980.– С. 319–444.
4. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Сочинения в 6-ти тт.– Т. 2.– М.: Мысль, 1964.– С. 381–425.
5. Heidegger M. Vom Wesen der menschlichen Freiheit // Heidegger M. GA, Bd. 31. Frankfurt a. M. 1994.
6. Husserl E. Vorlesungen über Ethik und Wertlehre // Husserliana, Bd. XXVIII. Kluwer Academic Publishers. Dordrecht / Boston / London, 1950.
7. Kant I. Vorlesungen über die Metaphysik. Erfurt, 1821.